

На семьдесят восьмой минуте ветер стих.

Лу Цзин вел мяч вперед, его левая стопа ступала по обрезкам травы, словно по грязи после той грозы семь лет назад. Он только что завершил серию из трех резких маневров с переключением направления, и свободная зона на правом фланге распахнулась настезь — оставался всего один шаг...

Подкат.

Это был не фол, это было убийство.

Шипы на бутсах правого защитника соперника, словно железный плуг, распороли внешнюю сторону его голени. Кость не сломалась, но сухожилие — то самое сухожилие, которое Се Линь лично сшивал трижды, — вновь оказалось порвано в клочья.

Кровь мгновенно пропитала шорты, потекла по голени в голеностоп — теплая, липкая, точно та бутылка с физраствором, которую Се Линь сунул ему в руку после того, как он в семилетнем возрасте сломал руку. Только на этот раз льда не было.

Он не взвыл, не закричал и даже не опустил взглядом на рану. Лишь закусил капу, опустил на одно колено, а затем, опираясь о землю правой рукой и волоча левую ногу, дюйм за дюймом пополз к угловому флажку.

На стадионе воцарилась мертвая тишина.

Пока он не поднялся на ноги и, прыгая на одной ноге — словно подбитая птица, которая все равно пытается взлететь, — не поскакал к залитому кровью газону.

Се Линь сорвался с места.

Он перепрыгнул через рекламный щит, оттолкнул двух пытавшихся остановить его ассистентов, не обращая внимания на яростные крики судьи и красную карточку в своей руке, и единым движением взвалил Лу Цзина себе на плечо — точно так же, как семь лет назад, когда тащил в медпункт охваченного жаром подростка.

Голова Лу Цзина безвольно свесилась у него на плече, капли крови падали на его белую рубашку, словно распускающиеся цветы сливы.

— Передай... — голос Лу Цзина звучал так, будто его терли наждачной бумагой. — Отдай пас Линь Е.

У Се Линя в горле застрял ком, не позволявший вымолвить ни звука. Он кивнул, его губы

дрожали, но с них не слетело ни единого слова.

Он осторожно опустил Лу Цзина у бровки поля. Со всех сторон сбеглись медики со шприцами, бинтами и кислородной маской, но рука Лу Цзина мертвой хваткой вцепилась в его манжету, ногти едва ли не впивались в ткань.

— Обещай мне.

— Обещаю, — хрипло выдохнул Се Линь.

Он повернулся и направился к угловому флажку.

Никаких тактических жестов, никаких окриков, ни единого взгляда на Линь Е.

Он просто наклонился и носком бутсы легко коснулся мяча.

Тот описал дугу в воздухе.

Это была не стандартная подкрутка внутрь, не привычный навес наружу. Это была та самая смертоносная дуга, которую Лу Цзин пробил левой ногой в самой последней тренировочной игре молодежного лагеря семь лет назад. Мяч извивался в воздухе, вращался, следуя по траектории, граничившей с одержимостью, словно вырезанное судьбой заклинание.

Трибуны взорвались оглушающим, потрясшим землю криком.

Линь Е взмыл в воздух, словно бросающийся на добычу леопард. Его голова нанесла удар точно по нижней части мяча.

Снаряд пушечным ядром влетел в левую «девятку» ворот.

Один — ноль.

Ликование взметнулось девятым валом.

Однако Се Линь даже не обернулся.

Ему хотелось сказать: «Прости», «Я виноват», «Я никогда не отрекался от тебя».

Но рука Лу Цзина все еще сжимала тот самый листок бумаги.

Кровь давным-давно пропитала его насквозь, превратив в подобие высохшего речного дна. На лицевой стороне красовалась нарисованная Се Линем семь лет назад от руки тактическая схема — комбинация из тройного ложного маневра и подачи по дуге, а на полях карандашом виднелись его пометки: «Дикость — это не безрассудство, это точный бунт».

На обратной стороне чернел почерк Лу Цзина — старые чернила поблекли, но кровь свежела:

— Если ты еще способен играть, я осмелюсь жить.

Дыхание Се Линя оборвалось.

Он задрожал, подушечками пальцев легонько провел по этой строчке, но лишь размазал еще больше кровавых следов.

— Ты... все это время хранил его? — голос его разбился, потеряв всякий лад.

Лу Цзин закрыл глаза, но в уголках его рта промелькнула слабая улыбка:

— Каждый лист, что ты разрывал, я подбирал и приклеивал у изголовья кровати. Смотрел на него перед сном каждый день и говорил себе: Се Линь не отказался от меня, он просто испугался.

Слезы Се Линя закапали на бумагу, размывая ее в еще более темное багровое пятно.

— Я боялся, что ты возненавидишь меня, — всхлипывал он. — Я боялся тхой ненависти, поэтому не смел жить. Я даже плакать не смел, боясь, что ты услышишь и посчитаешь меня слабым.

Лу Цзин открыл глаза. Его белки сплошь покрылись красной сеточкой, но взгляд горел пугающе ярко.

— А теперь? Ты смеешь жить теперь?

Се Линь резко притянул его к себе, уткнувшись лбом ему в плечо. Его плечи крупно дрожали, словно у наконец-то прирученного зверя, и он плакал навзрыд, как ребенок.

Лу Цзин не оттолкнул его.

Он лишь медленно поднял свою невредимую правую руку и опустил ладонь на затылок Се Линя — точно так же, как Се Линь в дождливую ночь вытирал ему слезы.

Чуть вдалеке Линь Е стремглав подбежал к ним, рухнул на колени возле ног Лу Цзина и зарыдал в голос.

Чэнь Юй стоял у края трибун, молча стянув с запястья напульсник и положив его на ограждение. На ткани перманентным маркером было выведено: «Философию вратарства Се Линя я постиг. Теперь твоя очередь научиться тому, как быть человеком».

Судья подошел ближе, намереваясь увести Се Линя с поля.

Се Линь не сдвинулся с места.

Он лишь достал из кармана потускневший тренерский значок — тот самый, который он собственными руками отстегнул в тот день, когда Лу Цзина увезли в операционную.

И бережно положил его на ладонь Лу Цзина.

— На этот раз, — хрипло произнес он, — тебе решать, стоило ли мне оставаться.

Лу Цзин не взглянул на значок.

Он просто сжал окровавленными пальцами руку Се Линя.

— Тебе следовало вернуться гораздо раньше.

Ветер подул с новой силой.

Обрывки травы закружились у ног, напоминая ту грозу семи лет назад, бесчисленные забытые четыре часа утра и все разорванные и заново склеенные тактические схемы.

На этот раз никто больше не осмелился бы сказать, что это был просто футбольный матч.

Это был овертайм во имя искупления.

<http://bllate.org/book/19070/1873141>